

— Это всё, что я скопил в армии, — немного неловко сказал Ван Цзюнь, протягивая золотые слитки. — Немного, конечно, но, думаю, хватит, чтобы прокормить троих детей.

Он и представить себе не мог, что дома всё обстоит именно так.

В лучшем случае он надеялся, что братья и сестра хоть где-то живут под крышей и получают горячую еду.

О том, что они не мёрзнут, он и мечтать не смел, не говоря уже о том, что они учатся грамоте!

Вэнь Жунь посмотрел на эти три маленьких золотых слитка, и в душе у него одновременно вспыхнули и трогательность, и лёгкое раздражение. Он взял деньги:

— Хорошо, пусть это будет на хозяйство.

Затем он выдвинул ящик из-под книжной полки и достал оттуда шкатулку с деньгами:

— Не волнуйся, у нас в доме ещё есть кое-какие сбережения.

Он рассказал Ван Цзюню о состоянии домашних финансов. Тот широко распахнул глаза:

— Так много?!

— Да, всё это накоплено понемногу, — спокойно ответил Вэнь Жунь, ничуть не возгордившись от богатства. — В следующем году начнём запасать зерно. А ещё через пару лет накопим побольше — и отправим братьев сдавать экзамены на звание «туншэн» (детский экзамен). Как только получат учёную степень — всё пойдёт легче.

— Понял, — кивнул Ван Цзюнь. Он отлично понимал, о чём говорит Вэнь Жунь.

Простой крестьянин и человек с учёной степенью — это небо и земля.

— За домом я пригляжу, — серьёзно сказал Вэнь Жунь. — Ты не переживай.

— А ты живи спокойно, — так же серьёзно ответил Ван Цзюнь. — Жениться тебе, конечно, не выйдет, но если захочешь взять наложницу — родишь ребёнка, и род продолжится. А мне... чтобы выйти в отставку из армии, придётся дожить до пятидесяти лет.

Он горько усмехнулся:

— К тому времени мои братья, наверное, сами внуков наживут.

— Разве нельзя уволиться раньше? — спросил Вэнь Жунь. Он знал о военной системе лишь поверхностно — слышал кое-что об общих правилах, но точного срока службы не знал.

— Ранняя отставка возможна только в случае тяжёлой травмы или увечья, когда человек уже не годится для службы, — объяснил Ван Цзюнь. — Иначе — только после пятидесяти лет и при стаже не менее тридцати лет. А если погибнешь на поле боя... семье, возможно, придётся поставить на службу другого мужчину. Но я записан как наёмный солдат — если договориться с начальством или если у братьев будет учёная степень, этот долг, скорее всего, простят.

Главное — вовремя поднести подарки нужным людям. Правда, сколько именно — неизвестно.

— Тогда зачем твои вторые дядя с тёткой устроили весь этот переполох? — удивился Вэнь Жунь. Он знал, что ради избежания воинской повинности вторая ветвь семьи даже разорвала родственные узы!

— Да что они понимают! — презрительно фыркнул Ван Цзюнь. — Сначала поспешили меня записать — за наградные серебряные ляны. А потом испугались, что их потянут за мной, и срочно разделили род и клан, будто мы зараза какая! Но, честно говоря, и лучше так — пусть теперь держатся подальше. Нам с ними вообще нечего делить.

Сейчас Ван Цзюнь хотел одного: чтобы его семья жила в мире и безопасности. О мести он даже не думал.

Вэнь Жунь полностью разделял его взгляд. Они простые люди. Пусть он и джурэнь, но его влияние ограничивается уездом — даже в уездном городе он не всегда может постоять за себя, не говоря уже о провинциальном центре.

Так что лучше сидеть тихо и вести своё хозяйство!

Поговорив допоздна, они наконец разошлись отдыхать.

На следующий день — последний в этом доме — четверо братьев и сестры не отходили друг от друга, будто боясь расстаться.

А Вэнь Жунь тем временем метнулся по дому, организуя сборы:

— Приготовьте им троим по два комплекта одежды! И пятнадцать пар войлочных носков — они тёплые! — распорядился он жене Чэнь Цяна. — Ещё двенадцать комплектов нижнего белья. Помнишь, у нас ещё пять запасных овчинных тулупов? Доставай все!

— Есть! — энергично кивнула жена Чэнь Цяна и добавила: — У нас ещё есть лисьи шубы и собачьи сапоги — всё в запасе.

На самом деле, когда шили одежду для работников, Вэнь Жунь специально велел делать с запасом: вдруг кто порвёт или намочит одежду — пусть будет смена. Всё равно, если не наденут в этом году, пригодится в следующем.

К тому же в древности одежда редко шилась впрытык — почти всегда использовали пояса, которые легко регулировали размер.

Эти трое не были толстяками — их телосложение почти не отличалось от работников.

Собачьи шапки были заготовлены для работников, а лисьи шубы — для самого Вэнь Жуня. Но покрой у них был свободный, так что даже Ван Цзюню, который был выше и шире в плечах, всё отлично подошло.

— Отлично, всё это им и возьмите, — тут же решил Вэнь Жунь. — Ещё наберите вяленых колбас, копчёного мяса, свиной вяленой нарезки!

Если бы здесь продавали вяленую говядину, он бы обязательно дал им по три-пять цзиней — она сытнее свинины.

Ему хотелось упаковать для них, особенно для Ван Цзюня, чуть ли не весь дом!

— Неизвестно, успеет ли он к Новому году заглянуть? — бормотала тётушка Цуйхуа, укладывая посылки. — Малышка Ван Мэй уже несколько раз спрашивала... Я и не знаю, что ей ответить.

Ван Мэй была ещё мала. Пусть и более рассудительна, чем сверстницы, но всё же ребёнок.

Она так обрадовалась встрече со старшим братом! Но теперь поняла: он уезжает через несколько дней. А Новый год — время воссоединения семьи. Поэтому так и ждала: «Пусть сегодня уезжает — но к празднику вернётся!»

Ведь в канун Нового года они вместе лепят пельмени.

Это одно из немногих светлых воспоминаний девочки.

Когда семья была совсем нищей, только в Новогоднюю ночь варили пельмени.

Пусть она и съела всего несколько штук — всё равно обожала этот вечер.

— Скорее всего, не сможет приехать, — сказал Вэнь Жунь. Ему и спрашивать не надо было: если бы Ван Цзюнь мог приехать на праздник, он бы сразу об этом сказал.

Вэнь Жунь весь вечер хлопотал. А на следующий день, ещё до рассвета, Ван Цзюнь и его товарищи уже поднялись.

Они надели ту же одежду, в которой приехали, — но теперь она была тщательно выстирана, внутри подбита свежей ватой и аккуратно зашита.

В отличие от того, как они приехали — грязные и оборванные, — теперь все трое выглядели опрятно, чисто и тепло одеты.

К тому же Вэнь Жунь приказал запрячь повозку и поручил Чэн Лаоу отвезти их троих в уездный городок. Сам он тоже собирался поехать.

— Тебе не стоит ехать, оставайся дома, — остановил его Ван Цзюнь. — Нас и так уже слишком заметно везут на повозке. Если ты поедешь ещё и сам... — Он не хотел привлекать лишнего внимания. На самом деле, он ведь тайком сбежал из лагеря! Если бы каждый мог просто так брать отпуск, в армии давно бы воцарился хаос.

Рассказ о «разрешении на свидание с родными» был лишь уловкой для деревенских, которые ничего не знали об армейских правилах.

По уставу солдатам даже запрещалось входить в городские ворота. Где бы они ни находились, лагерь всегда разбивали за городом — не то что в город заходить, даже постоялого двора им не полагалось.

— Хорошо! — Вэнь Жунь сразу же передумал. — Тогда вы сами везите вещи, ладно?

Посылок и вправду было немало — иначе он бы и не стал выделять повозку.

Во всём уезде таких повозок с закрытым кузовом можно было пересчитать по пальцам. А уж его повозка — почти новая, девять с половиной из десяти — сразу выдавала богатство владельца.

Вэнь Жунь также незаметно вручил Ван Цзюню кошелек: внутри лежала одна гуань (тысяча) медяков, двадцать лянов серебряной мелочи и один банковский вексель на сто лянов.

Вексель Ван Цзюнь мог носить при себе, а медяки — самая ходовая валюта. Обычные крестьяне редко держали серебро — разве что на крайний случай.

Вэнь Жунь дал ему эти деньги на всякий случай: в армии ведь нет ни удобств, ни обменных

пунктов — приходится полагаться только на себя.

Он передал деньги тайком от Лян Эра и Чжан Саня, и Ван Цзюнь тоже никому не сказал. Просто спрятал кошелек и ушёл.

К счастью, день выдался солнечный. Вэнь Жунь велел Чэн Лаоу отвезти их в город и проследить, чтобы они благополучно покинули город, — только после этого возвращаться. На время поездки Чэн Лаоу мог остановиться в городе за счёт дома.

После отъезда в доме сразу стало тихо: дети были на каникулах, а все уже начали готовиться к «малому Новому году» (празднику Сяонянь).

Всё необходимое к Новому году уже закупили — оставалось только дожидаться самого праздника.

Кто бы мог подумать, что они так неожиданно вернуться?

Даже сейчас Вэнь Жуню всё ещё казалось, что он не до конца осознал происходящее.

Всё случилось так стремительно... И только когда Ван Цзюнь уехал, Вэнь Жунь вдруг понял: тот ничего не оставил после себя! Ну разве что те три золотых слитка.

Ни единой вещи — даже рубашки!

Видимо, и приехал-то в спешке.

Вэнь Жунь решил простить ему это.

Кстати, сам Вэнь Жунь тоже избегал разговора о «брачной ночи». К счастью, Ван Цзюнь, похоже, и не вспомнил об этом — уехал так поспешно, что Вэнь Жунь с облегчением выдохнул.

Накануне малого Нового года вернулся Чэн Лаоу:

— Они ушли. Позавчера собрались, вчера выступили в лагерь. Я дождался, пока они тронулись в путь, и только потом вернулся. Ах да, в повозке остались закупленные новогодние припасы — вот эти вещи. Теперь у нас в доме всё есть, ничего не не хватает!

Это были просто последние новогодние покупки.

В тот же день после обеда на кухне начали готовить «цзаотан» — сладости для жертвоприношения Богу Очага. Их делали из расплавленного сахара, заливая в деревянные

формы в виде зверушек, а затем ставили перед статуэткой или изображением божества.

Этот обряд был очень строгим: жертвоприношение мог совершать только мужчина. Женщины могли молиться лишь Луне.

Тётушка Цуйхуа очень любила Ван Мэй и позволила ей смотреть, как делают цзаотан. Девочка тут же схитрила — съела одну конфетку и, довольная, принесла ещё одну Вэнь Жуню:

— Гэфу, посмотри, разве она не красивая?

Это был цзаотан в виде зайчика — прозрачный, как хрусталь, с красными точками вместо глазок.

Краску сделали из отвара сухих плодов гардении — получилось очень живо и мило.

Вэнь Жуню показалось это очаровательным:

— Да, очень красиво.

Это была твёрдая карамель без фруктового вкуса. И тут Вэнь Жуню пришла в голову идея.

Он заглянул на кухню, выбрал несколько сушёных фруктов и решил приготовить фруктовую карамель — такого здесь точно не было!

Также он взял мороженую грушу и кусочки сахара-рафинада и возился с этим почти весь день, прежде чем сел ужинать.

На следующий день он вместе с двумя братьями совершил обряд жертвоприношения Богу Очага.

Благодаря воспоминаниям прежнего владельца тела он знал, как это делается, хотя сам никогда не участвовал в подобном. В его прошлой жизни почти никто уже не совершал этот ритуал.

Церемония оказалась довольно утомительной. После неё Вэнь Жунь раздал всем членам семьи цзаотан.

На этот раз Ван Мэй тоже досталась доля — и даже самая большая: Вэнь Жунь дал ей пять-шесть конфет.

— Ешь, но не больше половины в день, — предупредил он. — Ты ещё не сменила молочные

зубы. Когда вырастут постоянные и ты подрастёшь, тогда можно будет есть сколько угодно.

Хотя к тому времени девочка, скорее всего, уже не будет любить сладкое — ведь от сахара полнеют!

А когда наступит пора заботиться о красоте, её больше будут привлекать украшения, наряды и ткани, чем конфеты.

Раздав сладости, Вэнь Жунь отправился на маленькую кухню.

Эта кухонька обычно использовалась для кипячения воды и заваривания чая, а иногда — для приготовления лёгких угощений. Обычно здесь хозяйничала жена Чэнь Цяна, но сегодня она уступила её Вэнь Жуню.

Он сначала растопил сахарный сироп, добавил немного мёда, а затем варил в воде сушёные фрукты.

Он решил сделать особые конфеты: в эту эпоху не существовало даже простой фруктовой карамели, так почему бы не создать нечто новое и включить в новогодние подарки? Это станет настоящей изюминкой!

Здесь сахар и так был роскошью — позволить себе его могли немногие.

В доме Вэнь Жуня покупали только лучший тростниковый сахар и немного рафинада — больше ничего.

Никаких фруктовых леденцов, нуги или карамели из сорго — ничего подобного не было.

Вэнь Жунь захотел создать что-то особенное — то, чего нет на рынке.

И он приготовил леденцы с вкусом айвы и карамель из арахиса с кедровыми орешками.

Когда он угостил домашних, реакция была восторженной!

Особенно жена Чэнь Цяна, которая повидала многое в жизни, восхищённо сказала:

— Даже в самых богатых домах не бывает таких конфет! На вкус — как настоящие фрукты, но ещё слаще и вкуснее!

Глаза тётушки Цуйхуа загорелись:

— Такие конфеты нигде не продаются!

Чэнь Сюй особенно любил фруктовые леденцы, и больше всего — кисло-сладкие айвовые.

Ван Цзюэ предпочитал солодковую карамель — такую в доме и раньше готовили.

А Ван Цзиню нравилась именно твёрдая карамель — он считал, что она «хорошо жует».

— Это тоже вкусно! — Ван Мэй с наслаждением жевала карамель из арахиса и кедровых орешков, и вид у неё был такой довольный, будто ела самое драгоценное лакомство на свете.

— Раз получилось так хорошо, давайте сделаем побольше, — решил Вэнь Жунь. — Это будет отличным новогодним подарком!

Он обратился к женщинам:

— Эй, тётушка Цуйхуа, сестра жена Чэнь Цяна, идите сюда! Помогайте делать конфеты. Как только научитесь — я больше не буду вмешиваться.

— Нам правда можно участвовать? — удивились они. Такое лакомство явно было чем-то особенным, и неужели Вэнь Жунь действительно собирается их обучить?

Жену Чэнь Цяна можно было понять — она служанка, её купчая находилась в руках Вэнь Жуня.

Но тётушка Цуйхуа была другой: она не была ни рабыней, ни даже членом семьи Ван.

Поэтому жена Чэнь Цяна особенно удивилась: неужели господин готов обучать и её, простую деревенскую женщину?

— Конечно! — улыбнулся Вэнь Жунь. — Как только вы научитесь, я буду свободен. Впереди ещё столько видов конфет можно изучать! Давайте начнём с этих.

Он велел им потренироваться немного под его присмотром. Как только они освоили технику, сразу же изготовили пятьсот конфет. Сто оставили себе, а остальные аккуратно завернули в пергаментную бумагу и уложили в коробки из ивового дерева — готовые подарочные наборы.

После праздника «Малого Нового года» атмосфера праздника становилась всё насыщеннее.

К двадцать девятому числу двенадцатого месяца в деревне почти никто уже не выходил из дома — все готовились к Новому году.

Но в доме семьи Ван царило оживление. Можно было сказать без преувеличения: «двор полон гостей, как на базаре».

<http://bllate.org/book/15642/1398075>